

синтаксистік және лексикалық тұрғыда бірлік ретінде қарастырмаудан». Тіл бірліктері ең алдымен қатысымдық, қолданымдық мақсатта сөйлеуде жұмсалатындықтан, олардың прагматикалық тұсы басты назарда болу керек деген пікірдеміз. Бірліктердің ішкі мағыналық құрылымы, қолданыстағы ерекшеліктері кешенді қарастырылуы керектігін соңғы кезде зерттеушілер жиі айтып жүр. Бұл функционалдық лингвистиканың мәселелерінің әлі де

болса шешімін таппай жатқан тұстарының бар екенін дәлелдей түседі.

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. - М: Языки русской культуры, 1997.
2. Телия В.Н. //Метафора в языке и тексте. -М, 1998.
3. Жарықбаев Қ., Озғанбаев Ө. Жантануға кіріспе. - Алматы, 2000.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. - М.: РГГУ, 2000.

**Тәттібаева А.Е., Исаева Ж.Т.
АССОЦИИРОВАННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ**

В статье рассматриваются ассоциированные значения слов и их экспрессивно-оценочная функции.

**Tattibaeva A.E., Isaeva J.T.
ASSOCIATE MEANINGS OF WORDS**

The article considers the associative meanings of the words and their expressive and evaluative functions.

Ю. Д. Куличенко,
ст. препод. КазНУ им. аль-Фараби, доктор PhD

**ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ОБРАЗОВ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Специфика лингвистического анализа лексических выражений перцептивных образов политического дискурса заключается в неоднозначном понимании и нечетком определении самих терминов «перцептивный образ», «дискурс» и «политический дискурс». Необходимость в определении данных дефиниций привела к созданию следующего определения: *языковая единица перцептивного образа* политического дискурса представляет собой лексическое выражение психического образа, полученного путем сенсорного восприятия посредством использования 5 основных органов чувств человека (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус). Основой для обнаружения и выделения данных лексических единиц послужило наличие таких языковых маркеров, как прилагательные *горький/сладкий, холодный/горячий, громкий/тихий, черный/белый, теневой, кровавый* и др. в сочетании с абстрактными категориями политического дискурса. Сам термин *политический дискурс* вообрал в себя все события и реалии окружающей действительности так или иначе связанные с

политическими процессами, происходящими в нашем обществе и получившими отражение в письменной и устной речи представителей политических структур и средств массовой информации.

Исследование перцептивного восприятия мира посредством органов чувств человека и его отражение в языковых единицах является одной из актуальных проблем в языкознании. Особую остроту научным исследованиям в данном направлении придает тот факт, что перцептивные единицы принадлежат сознанию, и ученым, изучающим этот вопрос приходится проводить свои исследования на грани лингвистики и психологии, что, в свою очередь, вносит весомый вклад в развитие достаточно молодой и интересной науки – психолингвистике, а также помогает раскрыть все многообразие и многогранность взаимосвязи языковой системы и мыслительных процессов человека. Как правильно заметила выдающийся казахстанский ученый, основатель школы социолингвистике в Казахстане – Элеонора Дюсеновна Сулейменова: «Язык –

уникальный объект, который постоянно «расшатывает» складывающуюся лингвистическую парадигму, выводя науку о себе в новые «реальности» [1, с.80]. Именно эта подвижность языковой системы позволила исследовать с психолингвистической точки зрения феномен существования и развития перцептивного образа политического дискурса на материале языка казахстанских средств массовой информации.

Актуальность лингвистического анализа языковых единиц перцептивных образов обусловлена тем фактом, что данные лексемы представляю собой отражение современной языковой картины мира и ментальных процессов человека, позволяющие понять сложную природу языка. С одной стороны языковые единицы перцептивных образов политического дискурса являются прямым результатом когнитивной обработки социально значимой информации и авторской интенции, а с другой – они представляют собой психолингвистический феномен, в котором зафиксированы динамические процессы изменения общественного сознания, накладывающего особый отпечаток на языковую картину мира народа в соответствии с меняющимися особенностями его мировосприятия и миропонимания. Перцептивный образ, построенный на непрямом метафорическом значении лексических маркеров является когнитивным и дискурсивным феноменом, который выступает в роли инструмента и орудия существующей структуры власти, направленных на воздействие и управление общественным сознанием.

Политика стала частью современного общества, что отразилось на всей системе русского языка. Несмотря на то, что в последние десятилетия все уровни языка подверглись изменению и переосмыслению, ярче всего и нагляднее процесс политизации лексики заметен в языке средств массовой коммуникации – газет, журналов, радио и телевидения. Поскольку письменная фиксация этого процесса дает возможность более детально и глубоко проанализировать современное состояние и развитие перцептивных образов политического дискурса особое внимание следует уделить перцептивным языковым единицам политического дискурса, представленного на страницах современных русскоязычных казахстанских СМИ.

В настоящее время лексическая система русского языка претерпевает изменения почти так же стремительно, как и языковые единицы политического дискурса. Многие наблюдаемые в настоящее время явления в развитии и функционировании русского языка в средствах массовой информации, особенно в области перцептивных образований в сфере политики, возможно, окажутся недолговечными и не закрепятся в языке в качестве нормы, но даже в этом случае важно зафиксировать эти процессы лексического преобразования и изучить их.

Основные изменения в языке средств массовой информации, так или иначе обусловленные изменениями в общественно-политической жизни, можно разделить на следующие этапы: политизация некоторых групп лексики; деполитизация некоторых политических терминов; активизация некоторых семантических моделей, выражающих оценку личности как общественно явления; метафоризация как выражение оценки общественно-политической ситуации.

Яркой особенностью языка современных средств массовой информации является процесс нагнетание отрицательных эмоций. В большинстве случаев весь набор политических метафор используется, прежде всего, для отображения негативных сторон политической ситуации в целом. Отмечая, этот пейоративный, т.е. содержащий отрицательную оценку, характер политической метафоры Г.Н. Скляревская утверждает, что «это явление имеет не только языковую природу, но и психологическую, и социальную, и его еще предстоит исследовать с позиции аксиологии» [2, с.11].

Отрицательную семантику перцептивных лексических единиц политического дискурса можно проследить на следующих примерах, представленных на страницах казахстанских средств массовой информации.

Сладкая жизнь закончилась [3].

– *Не получилось ли так, что бывшая «холодная война» в Европе теперь сместилась в Среднюю Азию?* [4].

Представленная выше перцептивная лексика формирует отрицательную субъективно-оценочную модальность публицистического текста независимо от традиционной поляризации оценочных коннотаций таких понятий, как «холодный – горячий», «горький – слад-

кий», «темный – светлый», «громкий – тихий»: **холодная война – горячая точка, горькая жизнь – сладкая (пассивная) жизнь, громкий скандал – тихая война.**

Наблюдаемые повсеместно деструктивные тенденции проявляются и на уровне референции, и в самом языке. Это наглядно прослеживается в устойчивой сочетаемости слов *цвет, вкус, звук, запах* в таких семантических полях, как *война, смерть, криминал, власть, деньги*: **цвет** крови, **звук** траурного марша, *реквиема, канонады*, **вкус** крови, *запах пороха и серы, войны, денег, власти.*

В то время я отчетливо почувствовал запах войны. Это страшный запах [5].

Четвертые сутки на Ближнем Востоке не утихают звуки артиллерийской канонады и автоматных очередей [6].

Богатство и разнообразие перцептивного восприятия окружающей действительности дало возможность разделить лексические единицы перцептивных образов на 5 типов. Основанием для такой классификации послужило существующее различие чувственного восприятия (зрительное, звуковое, осязательное, обонятельное, вкусовое) в соответствии с пятью перцептивными органами человека, на основе которого было выделено 5 основных перцептивных образа политического дискурса:

- зрительный перцептивный образ политического дискурса;
- звуковой перцептивный образ политического дискурса;
- осязательный перцептивный образ политического дискурса;
- одоративный перцептивный образ политического дискурса;
- вкусовой перцептивный образ политического дискурса.

Зрительный перцептивный образ политического дискурса представлен метафорическими моделями, созданными с помощью маркированных слов, содержащих указания на цветовые характеристики объекта, в большинстве случаев выраженные с помощью прилагательных цветообозначения – *белый, черный, красный, синий, голубой, розовый, золотой*, и цветовой насыщенности – *прозрачный, яркий* и т.д.

*...Для пущей убедительности Имангали Нургалиевичу Тасмагамбетову всего-то и осталось сделать **прозрачной** работу прави-*

тельства и опять окончательно победить коррупцию[7].

Наиболее популярными маркерами в данной категории оказались такие слова, как *блестящий (блестящая операция, «блестящий» министр)*, *яркий (яркая карьера, яркий политический след)*, *прозрачный (прозрачная работа, прозрачные выборы, прозрачная деятельность)*. Из всей цветовой гаммы в большей своей массе преобладают следующие цвета – *красный*, чаще всего связанный с образом крови, смерти (*красные дни войны, партия красных* (коммунистическая партия)), *розовый (розовый министр, розовые сны президента)*, *голубой (голубое топливо, голубой министр)*, *зеленый (зеленая власть, зеленый коридор власти)*, *золотой*, как самый излюбленный оттенок желтого цвета среди журналистов, связанный с цветом денег (золотых монет), и выступающий символом власти, богатства (*золотая верхушка парламента, золотые работодатели*).

Изучая язык средств массовой информации, изобилующий всевозможными цветовыми метафорами, вслед за О.Н. Григорьевой невозможно не отметить всеобщего «стремления все «покрасить» в определенный цвет» [8, с.58]. Эта тенденция свойственна как нашей, так и зарубежной прессе. Власть окрашена во все цвета радуги: *черный полковник, партия красных* (коммунистов), *розовый министр, голубая мечта чиновника* (мечта о газе) (для сравнения в Российской периодике: *розовый Примаков, красный Зюганов, партия зеленых, зеленая должность, золотые работодатели, партия зеленых*).

Иногда журналисты, чтобы привнести в политическую статью бульшую эмоционально-экспрессивную окраску описываемых событий, бульшую образность и красочность, прибегают к созданию сложных окказиональных метафорических выражений по сути недопустимых в сухом и жестком языке политики. Что подтверждается появлением таких образных сравнений вроде *кровавый котел расправы, кровавые путчи* и подобные им.

*А площадь, по иронии судьбы нареченная именем покойного генсека Л. Брежнева, который гордился своей связью с Казахстаном и его народом, превратилась в **кровавый котел расправы** над молодой порослью этого народа. И по истечении стольких лет жуточно*

вспоминать, как гуляли по головам беззащитных людей дубинки и саперные лопатки, как натравливали на толпу собак, обливали на жутком морозе из брандспойтов пожарных машин, теснили громадой бронетранспортеров [9].

В современном политическом дискурсе очень отчетливо наметилась тенденция окрашивать особо значимые политические события. Так, многие революции теперь имеют собственные цвета, например, украинская революция в качестве ведущего цвета сразу выбрала оранжевый и теперь сочетание «оранжевая революция» у всех стойко ассоциируется с политической борьбой за власть в Украине. Причем в этой стране не только революция имела свой идентификационный цвет, но и оппозиция ведущей власти, не долго думая, избрала своим символом синий цвет, а позже появилась и партия зеленых, борющаяся за «гармонизацию взаимодействия человеческой цивилизации и природной среды» [10]. За грузинской революцией закрепилось название «розовая революция», и тот же цвет выбрали иранские женщины, борющиеся за собственные права в ультраисламской стране, где вся власть и принадлежит исключительно мужчинам. Граничащая с Казахстаном, Республика Кыргызстан, в отличие от Украины не сразу выбрала цвет своей революции. Ввиду стремительности развивающихся событий эта революция несколько раз меняла свой колер, начиная с «желтого» (по аналогии со светофором – цвет перемен), перешла на «абрикосовый», затем «цвет цветущего миндаля» и под конец «тюльпановый». Также неоднократно меняла свои цветовые названия и антисирийская революция в Ливане – с «розовой» на «красно-белых леденцов» и в завершении на «кедровую» в честь ливанского кедра, украшающего флаг страны. Цветовые обозначения плотно вошли в политический обиход и стали неотъемлемой частью политического дискурса всех стран.

Наблюдая такое активное использование именно цветовых прилагательных в обозначении политических событий, можно предположить, что зрительные перцептивные образы политического дискурса играют важную, а порой и решающую роль в борьбе за власть. Именно выбор цвета иногда решает судьбу революционного движения, так как каждое цветообозначение несет в себе подчас глубо-

кий внутренний смысл, отражающий духовную, культурную и религиозную основу борьбы за свободу и независимость людей.

В качестве **звукового перцептивного образа** политического дискурса рассматривался сенсорный образ, ориентированный на использование звуковых ощущений человека, маркерами которых послужили антонимичные пары *громкий/тихий* (*громкие* обещания, *громкий* скандал, «*тихая* политика» власти, *по-тихому* протащить кандидата), *звонкий/глухой* (*глухие* бездушные чиновники) и лексемы, связанные с звуковым восприятием окружающей действительности, например, *шумный* (*шумная* политическая канитель, *шумные* выборы).

И услышал звонкий и печальный этот глас «Жилстройсбербанк» и согласился подписать договор с областным акиматом о запуске программы «Жилье – молодым» на 2006-2008 годы [11].

После всей этой шумной политической канители вокруг Закона «О СМИ», в ходе которой вполне справедливо ставился под сомнение даже сам факт его необходимости, встает вопрос не только о его подоплеке, но и в отношении «профпригодности» исполнительской и законодательной власти [12].

Несмотря на такие, на первый взгляд, безобидные обозначения, большая часть примеров этого сенсорного образа включает в себе сложную политику дискредитации власти, основанную на уничижительном девальвировании и расшатывании всех устоев политической и экономической системы страны.

Звучащая речь, как известно, является исходной формой устной речевой коммуникации. Будучи материальной, то есть, распространяясь в форме звуковых волн, акустическая информация имеет и знаковую функцию, являясь речевым кодом.

Звуковые процессы, воспринимаемые и обрабатываемые человеческим мозгом исследует много наук таких, как психология, нейролингвистика, биология, анатомия, нейропсихология, психолингвистика, лингвистика и т.д. Звуковое восприятие – одна из важнейших форм сенсорного восприятия, благодаря которой складывается языковая картина мира. Это восприятие представляет собою чрезвычайно сложный процесс, в результате которого и возникают слуховые ощущения и их комплексы, представляющие собой звуковой

перцептивный образ. Поскольку в звучащем мире существует собственное содержание, когда предметом восприятия является звуковое содержание, или восприятие мира, как его чувственное отражение, важно уделить особое внимание этому перцептивному процессу.

Осязательный перцептивный образ политического дискурса – это метафорическое выражение, связанное с сенсорным восприятием реалий политического мира с помощью органов осязания. В роли маркеров-ориентиров для отбора фактического материала выступили прилагательные, обозначающие физические характеристики предметного мира – *горячий/холодный, тяжелый/легкий, жесткий/мягкий* и т.д.

Современная демократизация средства массовой информации привела к тому, что на страницах средств массовой информации появились неожиданные и смелые осязательные образы политики. Еще не так давно никто бы даже не задумался о том, что *партийные ряды* могут иметь какие-либо свои физические характеристики, теперь же никого не удивит высказывание Александра Шухова, который называет их *пухлыми*.

...Правда таких пухлых партийных рядов, как у товарища Жюганова, собрать никогда не получалось – но это уже не к товарищу Абдильдину вопрос [13].

Большинство осязательных образов несет в себе негативную оценку политической действительности. Например:

...Еще неизвестно к чему нас приведут эти тяжелые нравственные искания товарища Абдильдина [13].

Даже люди, непосредственно связанные с политикой, часто прибегают к передаче собственного мнения и отношения к конкретной политической ситуации посредством использования в своей речи перцептивных образов. Так в интервью с журналистом общественно-политической газеты «Время» Маратом Асиповым казахстанский политик Булат Абилов употребил в своей речи осязательный перцептивный образ *жесткая критика*, наделив тем самым абстрактное понятие «критика» физическими параметрами упругости.

На прошлой неделе президент подверг жесткой критике правительство Имангали Тасмагамбетова [14].

Вкусовой перцептивный образ полити-

ческого дискурса представляет собой перцептивное метафорическое образование, созданное при помощи лексических маркеров *кислый, сладкий, горький, соленый* и непосредственного употребления слова *вкус* с использованием различных префиксов и аффиксов.

Сладкий приговор

Экспертная комиссия подвергла испытаниям самые лакомые продукты [15].

Рабочие, напротив, рады прессе – журналистская поддержка им важна. Взрослые мужчины, кормильцы семей, с горечью рассказывают о наболевшем. У каждого накопело [16]!

Хотя политический дискурс по вкусу и не так разнообразен как «на ощупь», но все же и здесь не менее образна и специфична. Так, к примеру, она бывает *горькой* (*горький привкус беды, горькая судьба народа*), *сладкой* (*сладкие обещания министров, сладкие мечты о свободе*), *приторной* (*приторный вкус власти*), *кислой* (*кислый запахок власти*), *соленой* (*соленая политика, соленое море народных слез*).

Немногочисленность примеров вкусового перцептивного образа отметила еще О.Н. Григорьева в своем учебном пособии «Цвет и запах власти» [17, с.15]: «Сколько вкусов различает язык? Смотря какой. Тот, что во рту, – бесчисленное множество. Тот, что в словаре, – необходимый минимум. Даже удивительно, как мало вкусовых прилагательных». И действительно, если взять в руки любой словарь русского языка можно легко пересчитать все эти прилагательные, которые сводятся всего к четырем основным – *горький, сладкий, соленый, кислый*.

Во вкусовых перцепциях политического дискурса отражается не только концептуализация и интерпретация окружающего мира, но оценка и особенность восприятия политической действительности страны. Можно предположить, что, несмотря на периферийный характер вкусовой перцепции, обозначения вкуса в языке выступают в качестве полифункционального средства познания действительности.

Среди перцептивных вкусовых образов политического дискурса преобладают окказиональные образования такие как: *приторные обещания министра, приторный вкус власти, горький опыт, горькое поражение, кислое послевкусие поражения, кислый запа-*

шок политики, солоноватое горе народа, горькая правда народа, горький запах власти, сладкая политика, горькая жизнь чиновника и т.д.

Несмотря на то, что вкусовой перцептивный образ не столь многообразен, как остальные, именно он наиболее красочен и выразителен, несет в себе сильную эмоционально-экспрессивную окрашенность и образность и позволяет создавать сложные политические метафоры.

Одоративный перцептивный образ политического дискурса – это перцептивный образ, связанный с органами обоняния, при создании которого использовались метафорические значения таких маркеров, как *запах, пахнуть, отдавать, попахивает* и т.д.

– Разве от названия Павлодар не **отдает** за версту колониальным **запашком**? – негодует он. – Поэтому вопрос с переименованием города – само собой напрашивающийся [18].

Это уже не рыночные отношения, а **садомазохизмом попахивает**. У одного плетка в руках, у другого – руки-ноги в наручниках [19].

Замечено, что в отличие от всех других типов перцептивных образов одоративный образ отличается стабильностью коннотативной окраски и невосприимчивостью к контекстуальному окружению.

Орган обоняния поистине уникален. Он способен быстро распознавать огромное число самых различных веществ. Обоняние – одно из древнейших чувств человека, которое играет важную роль в формировании языковой картины мира перцептивного познания окружающей действительности. Изучение перцептивного образа политического дискурса, связанного с органами обоняния, помогает получить более детальное представление о национальной языковой картине мира, о ментальной репрезентации этой картины мира в политическом дискурсе.

Следует отметить, что «на восприятие запаха очень часто влияют другие сенсорные системы. Трансформация ментальной сферы в чувственную, материализация мысли, придание ей свойств, воспринимаемых органами чувств, проявляется в языке в синестизической метафоре, в основе которой – слияние ощущений разной модальности, а также ощущений и эмоций (*вкусный запах, горький запах, теплый запах, горячий запах, прозрачный запах*)» [20].

Политический дискурс современных русскоязычных масс-медиа Казахстана насыщен разнообразными перцептивными образами, отражающими национальную языковую картину мира всего народа. Исходя из проанализированного выше материала можно сделать вывод, что описание перцептивной системы в целом необходимо для выявления ряда закономерностей, определяющих механизм отображения окружающего мира в языке, понимания национальной языковой картины мира, поскольку язык является неотъемлемой и важнейшей частью любой национальной культуры, полноценное знакомство с которой обязательно предполагает не только изучение материальной составляющей этой культуры, знание ее исторической, географической, экономической и прочих детерминант, но и проникновение в образ мышления нации, взгляд на мир глазами носителей этой культуры, с их «точки зрения».

1. Сулейменова Э.Д. Несколько эпистемологических замечаний о языке и интроспекции // Вестник КазГУ. Серия филологическая. – 1998. – №18. – С. 80-84.

2. Склярская Г.Н. Структура личности сквозь призму языковой метафоры // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – М., 1991. – С. 11.

3. Бахаутдинова З. Сладкая жизнь закончилась // Известия. Казахстан. – 2005. – 20 января // **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.**

4. Бисембина Д. Южный парк // Литер. – 2009. – 22 апреля // <http://www.liter.kz/print.php?lan=russian&id=167&pub=11850>

5. Нусупов А., Матабаев Е. Муха и верблюды // Экспресс К. – 2008. – 21 октября // http://www.express-k.kz/show_article.php?art_id=21155

6. Каражанов З. Еврейский приход // Литер. – 2009. – 21 апреля // <http://www.liter.kz/print.php?lan=russian&id=167&pub=4168>

7. Мекебаев С. Все подумали, что всплыла правда, но по запаху поняли, что ошиблись. // Время. – 2002. – 1 августа.

8. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

9. Мурзагулинов М. Проснувшийся разум // Страна и мир. – 2005. – 16 декабря // <http://sim.kz/arhiv/?act=read-article&id=243>

10. Официальный сайт Партии Зеленых Республики Украины // <http://www.greenparty.ua/ru/about/Who-such-Green/>

11. Куликов В. Старые сказки на банковский лад. – 2006. – 6 апреля // http://www.express-k.kz/show_article.php?art_id=777

12. Истлеуова Л. Очевидное-невероятное. Закон «О СМИ» не будет утвержден в нынешней редакции. – Деловая неделя. – 2004. – 23 апреля.

13. Шухов А. Игры патриотов // Караван. – 2004. – 12 марта.

14. Асипов М. Правительство упущенных возможностей (интервью с Б. Абиловым) // Время. – 2003. – 23 января.

15. Морозова Е. Сладкий приговор // Литер. – 2009. – 26 апреля // <http://www.liter.kz/site.php?lan=russian&id=167&pub=13932>

16. Вологодская Г. Жезкент: светлое прошлое, мрачное, настоящее // Караван. – 2008. – 21 марта // <http://www.Saravan.kz/article/?aid=5193&pid=118>

17. Григорьева О.Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах: учебное пособие. – М.: Флинта, 2004. – 248 с.

18. Малеев С.О Павловых «дарах» и протухшей рыбе //

Мегаполис. – 2008. – 28 июня // http://www.megapolis.kz/show_article.php?art_id=9742&start=160

19. Варов В. Кому кама с утра? – Мегаполис. – 2009. – 16 февраля // http://www.megapolis.kz/show_article.php?art_id=11202

20. Мусабекова У.Е. Одоративные ассоциации как феномен культуры // Материалы международной конференции, посвященной 70-летию Казахского национального университета им. аль-Фараби. – Алматы, 2003. – С. 210-211.

Ю. Д. Куличенко

Б САЯСИ ДИСКУРСЫҢ ПЕРЦЕПТИВТІ ОБРАЗДАРЫ

Бұл мақалада саяси дискурстың перцептивті образдарының иерархиялық құрылымы ерекше феномен ретінде қарастырылады және тілдік бірліктер лингвистикалық талдауға түседі. Адамның ойлау қабілетінің көрінуін эксплицитті және верификациялық амалдар арқылы беріп, сол арқылы биліктің, әлемнің ұлттық тілдік бейнесі және тілдік санасының абстрактылы категориясының метафоралану процесі талданады.

Y. D. Kulichenko

THE OF PERCEPTUAL IMAGES OF POLITICAL DISCOURSE

In the present article the hierarchical structure of perceptual images' of political discourse is considered as a special phenomenon and linguistic analysis made on language units. Showing the manifestations of human intellectual activity through verifying and explicit means and according to them analyzes the metaphorization process of abstract categories of authority, the world's national language image and language conscience.

К. Күркебаев,

әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-дың доценті, ф.ғ.к.

ӨЛЕҢ МӘТІНІНДЕГІ ЕТІСТІКТЕРДІҢ СЕМАНТИКАЛЫҚ ТІРКЕСІМДІЛІГІ

Поэтикалық мәтінде өлең мазмұны мен түрінің үйлесімін жеткізуде өнімді функционалдық қызметті етістік сөз табы белсенді атқарады.

Өлең мәтінін түзуде етістіктің барлық түрлері мен тұлғалары іс-қимылға жұмылдыру, суретті баяндау, ұйқас құрауға бейімділік, терең психологиялық күй, динамикалық екпін сияқты лингвопоэтикалық қолданыстарға аса бай.

Есімдер сияқты етістіктер де көркем сөз тілінде, әсіресе өлең мәтінінде поэтикалық-стильдік қызметке ие.

«Етістік тіліміздегі сөз таптарының ішіндегі ең күрделі және қарымы ең кең грамматикалық категория. Етістіктің күрделілігі мен қарымдылығы оның аса өрісті лексика-семантикалық сипатымен, бай лексика, грамматикалық формаларымен, көсіліңкі синтаксистік қызметімен тығыз байланысты», – [1, 122] деп тұжырымдалуы шынында да бұл сөз табының поэтикалық мәтіндегі тіркесімділік қабілетінің кең ауқымдығы, іс-қимыл мағы-

насының әр тараптылығы, қуатты эмоционалдық фон тудыруы, ырғақ пен ұйқас құрау ерекшеліктерінің өзіндік көріністерін айқындап тұрған іспетті. Тілдің дамуы барысында әр түрлі объективті себептермен жеке сөз таптарының тіркесімділік қабілетінің артқандығы белгілі. Етістік сөздердің тіркесімділік қабілетінің артуы – оның мағыналық жағынан дамуына негізделсе, өз кезегінде олардың тіркесетін сөздерінің аясының мол болғаныменде байланысты.

Кез келген тілдік жүйеде сөздер бір-бірімен байланысуы үшін өзара мағыналық және грамматикалық жағынан сәйкестікте болуы шарт.

Тіл ғылымында тіркесімділік мәселесі **валенттілік теориясымен** сабақтастықта қарастырылады. Валенттілік терминінің енуі жиырмасыншы ғасырдың қыркыншы жылдарының аяғындағы С.Д. Кацнельсонның еңбектерінен бастау алады. Тілде толық мағыналы сөз тек белгілі бір синтаксистік жағдайда ғана өзінің толыққанды мағыналық қырын көрсете